

«ПОТРУДИЛСЯ ЗА НОВГОРОД И ЗА ВСЮ РУССКУЮ ЗЕМЛЮ»  
(Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М.: Р. Валент, 2010. — 536 с.: ил.)

Книга об Александре Невском, вышедшая под эгидой Центра национальной славы и Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ, вобрала в себя итоги многолетних исследований не только жизни и деятельности князя, но и исторической памяти о нем, предпринятых ведущими российскими медиевистами — историками, филологами и искусствоведами. Роскошное крупноформатное издание с огромным количеством иллюстраций выполнено на высоком профессиональном уровне и может быть полезно не только для специалистов, но и для всех, кто интересуется данной темой.

Писать обобщающий труд об Александре Невском и его эпохе — дело ответственное и весьма непростое. С одной стороны, Александр Ярославич — несомненно, один из наиболее известных в России деятелей отечественной истории, человек, канонизированный Русской Православной церковью и на протяжении многих веков почитаемый миллионами наших соотечественников в качестве святого. С другой стороны, как точно отмечают авторы книги, «прижизненных свидетельств деятельности Александра сохранилось совсем немного, а посмертные его характеристики страдают досадным лаконизмом, неполнотой, а то и просто разного рода неточностями и погрешностями» (С. 101).

В этой ситуации исследователь зачастую оказывается в весьма затруднительном положении. Во-первых, на него «давит» авторитет изучаемой личности (благодаря известному телевизионному проекту, с недавних пор Александр Невский — это еще и «Имя России»). Во-вторых, он не может не ощущать давления исторической традиции, которая давно уже сформировала каноны восприятия святого благоверного князя (причем не только в общественном мнении, но и в научном сообществе) и вовсе не собирается так просто сдавать свои позиции. Ведь, как это часто бывает, особенно с наиболее яркими фигурами прошлого, сравнительно небольшой объем прижизненных свидетельств об их деятельности в последующем с лихвой компенсируется разного рода интерпретациями. Немецкий исследователь Ф. Б. Шенк, впервые проанализировавший значительную часть этих интерпретаций, пришел к совершенно справедливому выводу о том, что чуть ли не каждая эпоха русской истории (начиная со второй половины XIII в. и до наших дней) имела дело со «своим Александром Невским»<sup>1</sup>.

Авторы и составители рецензируемой книги, судя по всему, отдавали себе отчет в том, сколь трудную задачу им предстоит решить. Надо воздать должное: многое им удалось.

Книга состоит из двух частей и приложения.

Первая часть книги — рассказ об эпохе («Александр Невский: время и современники») и портрет самого князя на фоне этой эпохи.

XIII век показан в нескольких ракурсах. Ракурс первый — общий план. «Мир в зените средневековья» — так называется яркий по форме и чрезвычайно содержательный по охвату исторического материала очерк В. И. Уколовой о том, что представляло собой время, в которое довелось жить Александру. По сути это рассказ «о людях и нравах», которые господствовали в то время к западу и востоку от Руси: два мира, между которыми в XIII в., по выражению В. И. Уколовой, оказалась «распята Русь».

Второй ракурс — «средний план»: Великая степь. Очерк А. А. Горского посвящен описанию мира, который в эпоху Александра и даже во многом благодаря его усилиям из неведомого

<sup>1</sup> Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. Ср.: Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2000. С. 219–228.

превратился для правящей элиты русских земель чуть ли не в «свой». Наконец, третий ракурс — «крупный план», взгляд на «русский XIII век». Блестящий очерк В. А. Кучкина «Русь перед 1237 годом. Нашествие Батые. Русь под игмом» вобрал в себя как ставшие уже во многом классическими наработки исследователя по данной теме, так и результаты его новых изысканий (в частности, это касается новых данных о биографии отца Александра Невского — великого князя Ярослава Всеволодовича (С. 66–67, 105–109)).

Размышляя о причинах ошеломляющего современников успеха полчищ Батые, В. А. Кучкин на основе анализа русских и зарубежных источников приходит к весьма осторожному, но вместе с тем обоснованному выводу о том, что армия Батые насчитывала от 37,5 тысячи до 75 тысяч человек. «Ни одно русское княжество не в состоянии было выставить такого количества войск, — констатирует исследователь. — За монголо-татарами оставалось подавляющее превосходство в военных силах» (С. 90).

Очерки, посвященные собственно деятельности князя, по замыслу составителей книги, оказались разделены тематически: Александр как правитель и полководец (В. А. Кучкин), Александр — дипломат (отдельные очерки о целях и принципах внешней политики, об отношениях с папством, Ордой, а также о политике князя в балтийско-скандинавском регионе, авторы — А. В. Торкунов, Р. А. Соколов, О. Ф. Кудрявцев, А. А. Горский), Александр и Русская Православная церковь (Р. А. Соколов).

Насколько оправданным оказалось такое деление — вопрос спорный. Хотя бы потому, что в эпоху, когда жил великий князь, подобного деления (правитель, полководец, дипломат) явно не существовало. В такой ситуации перед исследователем неизбежно встает проблема определения принципов, по которым производится классификация поступков князя на «внутриполитические» (правитель), «военные» (полководец) и «дипломатические» (дипломат). В случае с Александром Невским ситуация осложняется еще и тем, что, как признали сами авторы книги, информации исторических источников о его деятельности сохранилось крайне мало. Вероятно, именно по этой причине те или иные поступки князя пришлось проводить сразу по нескольким «ведомствам». Следствием этого стали многочисленные повторы одной и той же информации (например, об отношениях между Новгородом и Швецией говорится и в разделе, посвященном Александру Невскому как правителю и полководцу (С. 108), и в разделе, повествующем об Александре как дипломате (С. 150); то же самое касается рассказов о нашествии Батые на русские земли — они помещены и в разделе про Великую Степь, и в разделе про полководческие таланты Александра (С. 56 и 112) и так далее). Одним из наиболее ярких в этой части книги оказался раздел, посвященный отношениям Александра с Римом. Автор, О. Ф. Кудрявцев, на основе анализа отечественных и зарубежных источников подошел к проблеме с разных сторон. Цель его работы, как он сам ее определил, — исследовать, «как папство и католический мир в целом воспринимали Русь» XIII в., «какую политику стремились проводить в отношении нее» (С. 159), а также какую линию в отношении Рима проводил князь Александр. В итоге автор приходит к мнению, что «в сознании латинской Европы середины — конца XIII века закреплялся образ Руси как части чуждого христианству, богоборческого, агрессивного мира, притом что на самой Руси... аналогичного восприятия католического Запада, несмотря на все его попытки присвоить русские территории, не было» (С. 172).

Вторая часть книги посвящена отдельным аспектам исторической памяти о святом благоверном князе. Открывается эта часть подробным анализом летописных и житийных источников об Александре, предпринятым Е. Л. Конявской. Задача, которая была весьма успешно реализована исследовательницей в этой главе, заключалась в том, чтобы, с одной стороны, дать всесторонний источниковедческий обзор тех текстов, на которых, собственно, и строится «история

Александра Невского», а с другой стороны, «выяснить, каким предстает в них образ знаменитого правителя и полководца» (С. 199). Исследуя Житие князя, Е. Л. Конявская предложила весьма аргументированную гипотезу относительно места создания памятника. Традиционно в историографии считается, что Житие в первоначальном виде было создано во владимирском Рождественском монастыре и автором памятника был владимирец. Однако, замечает исследовательница, учитывая то, что сам автор предстает как «самовидец его (Александра. — В. Р.) възраста» (т. е. зрелых лет), а о более ранних годах «слышах от отец своих», в этом можно усомниться». По мнению Е. Л. Конявской, составитель житийного текста, скорее всего, был родом из Переяславля: он, как и его предки, служил семье князя. «По всей видимости, вместе с дружиной и двором Александра Ярославича он был рядом с князем как в новгородский период его жизни, так и во владимирский, — отмечает исследовательница. — После смерти господина он, скорее всего, постригся в том же Рождественском монастыре, где был похоронен Александр Ярославич, и, уже будучи иноком, взялся за написание Жития» (С. 213).

Раздел, названный «Святой благоверный князь Александр Невский» (автор Т. Д. Стецюра), посвящен истории церковного прославления Александра. Собран большой фактический материал, касающийся различных аспектов восприятия культа святого в ключевые моменты отечественной истории: во времена Куликовской битвы, взятия Казани, Северной, Отечественной 1812 г., Русско-японской, Великой Отечественной войн.

Иконографии святого князя посвящен раздел, написанный Н. В. Квливидзе, образ Александра в русской живописи XVIII—XX в. исследован А. А. Каревым. Отдельный раздел посвящен храмам во имя благоверного князя, как дошедшим до нашего времени, так, к сожалению, и утраченным. Причем автору — Т. Д. Стецюре — удалось найти материалы о церквях и соборах, воздвигнутых не только на территории России, но и за ее пределами. Памятники Александру Невскому исследованы А. С. Клемешовым. Специальный раздел — об истории ордена Александра Невского (авторы — В. А. Дуров, В. Е. Корнеев, М. Ю. Мягков, В. И. Уколова). Отдельное исследование посвящено образу Александра накануне и в годы Великой Отечественной войны (М. Ю. Мягков, Н. А. Астахин). Кроме того, в этой части помещены историографические очерки — «Александр Невский в трудах евразийцев» (С. П. Рыбаков) и «Александр Невский в современной историографии» (Р. А. Соколов).

Приложения содержат текст (древнерусский и в переводе на современный русский язык) Жития Александра Невского (подготовка текста и перевод В. В. Кускова), а также известий Новгородской первой и Лаврентьевской летописей о великом князе (подбор Е. Л. Конявской).

Раздел, посвященный анализу современной историографии, был призван показать, «по каким путям в последние два десятилетия шли научные исследования эпохи Александра Невского и какие вопросы истории России того периода больше всего волновали ученых» (С. 407). При всей добротности проделанной автором работы по систематизации взглядов историков на различные аспекты деятельности князя нельзя не обратить внимания на то, что дискуссия об оценке роли князя, которая ведется в последние годы и в науке, и в обществе, попала в обзор историографии в весьма специфическом ракурсе. А именно как весьма маргинальная и навязанная к тому же антироссийскими кругами. «Современные историки положительно оценивают политику Александра Невского, — утверждает автор раздела Р. А. Соколов. — Однако по этому вопросу имеется особое мнение Дж. Феннела» (английский исследователь, как известно, весьма критически оценивал многое из того, что делал князь, и особенно «ордынский выбор» Александра Ярославича). «Впрочем, — продолжает автор раздела, — и среди отечественных историков в последнее время появляются иногда сторонники такой оценки деятельности Александра Ярославича». Как полагает Р. А. Соколов, появление критических оценок политики Александра Невского «можно объяснить пренебрежением национальными ценностями, насаждаемым ныне в нашем обществе



извне» (С. 428). Вряд ли столь категоричную оценку можно признать справедливой и уж, тем более, научно обоснованной. Между тем, ставя клеймо на сторонниках критического подхода к деятельности князя Александра, автор обзора даже не находит возможности пояснить, в чем именно заключается их «особое мнение».

Несомненно, Александр Невский — один из наиболее известных и почитаемых в России деятелей русской истории. Но при этом святой благоверный князь — еще и одна из наиболее противоречивых фигур нашего прошлого. Непримиимый к завоевателям с Запада, герой Невской битвы и Ледового побоища, как известно, был достаточно лояльно настроен по отношению к завоевателям с Востока — татарам. Очевидно, что такое поведение нуждается в адекватном *современному* уровню знаний объяснении. Вместо этого авторы отдельных разделов книги встают на проторенный «евразийской» историографией путь восхваления «судьбоносного геополитического выбора», якобы осуществленного князем Александром Ярославичем. При этом цитируется одно и то же место из весьма эмоционального, но небесспорного публицистического сочинения Г. В. Вернадского, посвященного роли и месту Александра Невского в русской истории (С. 11, 130, 132, 137–138).

Напомню, что, согласно Г. В. Вернадскому, «глубоким и гениальным наследственным историческим чутьем Александр понял, что в его историческую эпоху основная опасность для Православия и своеобразия русской культуры грозит с Запада, а не с Востока, от латинства, а не от монгольства». «Монгольство, — полагал исследователь-евразиец, — несло рабство телу, но не душе, латинство грозило исказить самое душу». Поэтому, писал Г. В. Вернадский, «подчинение Александра Орде иначе не может быть оценено, как подвиг смирения. Когда исполнились времена и сроки, когда Русь набрала сил, а Орда, наоборот — измельчала, ослабла и обессилела и тогда стала уже ненужной Александрова политика подчинения Орде... Тогда политика Александра Невского естественно должна была превратиться в политику Дмитрия Донского»<sup>2</sup>.

Легко заметить, что в рамках такого подхода Александр Невский, активно сотрудничавший с Ордой, оказывается духовным предтечей Дмитрия Донского, который первым из русских князей (и то лишь спустя столетие!) смог бросить вызов системе русско-ордынских отношений, выстроенной его прославленным предком<sup>3</sup>. Между тем трудно предположить, что человек XIII в. — Александр Невский — строил свою жизнь, свое поведение, исходя из тех последствий, которые проявятся (или не проявятся: в жизни все может быть!) спустя столетия — уже в XIV–XV в. Все-таки более вероятно, что князья совершали поступки исходя из реальных обстоятельств окружающей их действительности, соотнося свое поведение с современными им представлениями о должном и недолжном, а вовсе не руководствуясь «химерами будущего».

К сожалению, в последнее время точка зрения Г. В. Вернадского — совсем как цитаты из классиков марксизма-ленинизма в свое время — к месту и не к месту приводится почти всегда, когда речь заходит о противоречивом характере деятельности князя. Увы, рецензируемая книга в этом отношении не стала исключением.

Между тем собственно проблеме отношений Александра с Ордой в книге посвящен всего лишь небольшой очерк А. А. Горского (6 из 536 страниц!), а также часть раздела об Александре как правителе и полководце. «Есть ли основания видеть в действиях Александра некий судьбоносный выбор — между ориентацией на Восток и ориентацией на Запад, как

<sup>2</sup> Вернадский Г. В. Два подвига св. Александра Невского // Евразийский временник. Кн. IV. Прага, 1925. С. 326, 335. Любопытно, что такой подход к оценке князя был характерен и для советской историографии. Ср.: «Он выиграл время, дав Руси окрепнуть и оправиться от страшного разорения. Он — родоначальник политики московских князей, политики возрождения России» (Пацито В. Т. Александр Невский. М., 1974. С. 153).

<sup>3</sup> Кстати, сама оценка Куликовской битвы как выступления Дмитрия Ивановича против системы русско-ордынских отношений признается далеко не всеми историками. Есть, например, точка зрения, что Дмитрий Донской выступил всего лишь против незаконного правителя, узурпатора ханской власти Мамай (см. подробнее: Горский А. А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. 1996. М., 1996. С. 207).

предполагают некоторые историки?» — задается вполне уместным вопросом А. А. Горский. И дает на него аргументированный ответ: «Видеть в политике Александра по отношению к монгольским правителям судьбоносный выбор нет оснований: речь может идти о вынужденных прагматичных действиях с его стороны» (С. 178).

Как весьма точно заметил (правда, в другой своей работе) тот же А. А. Горский, Александр «был человеком своей эпохи, действовал в соответствии с мировосприятием того времени и личным опытом; он выбирал тот путь, который казался ему выгодней для укрепления его земли и для него лично. Когда это был решительный бой, он давал бой; когда наиболее полезным казалось соглашение с одним из врагов Руси, он шел на соглашение»<sup>4</sup>.

Кстати, так действовали (и действуют до сих пор) многие государственные деятели: что поделать, политика во все времена — это искусство возможного. В уже упомянутом очерке «Мир в зените средневековья» В. И. Уколова рассказывает, например, о правителе Никейской империи Феодоре I Ласкаре, который, «желая вступить в ряды признанных в Европе государей, обращался за поддержкой к папе Иннокентию III, шел на заключение временных договоров с врагами Никей — правителем Латинской империи Генрихом, турецким султаном Кейхозевом и др.». «Однако, — пишет В. И. Уколова, — эти шаги, которые с сегодняшней точки зрения могут быть осуждаемы, в контексте своей эпохи были совершенно естественны и общеприняты» (С. 19). Не менее гибким был курс его преемника — Иоанна III Дуки Ватаца — современника Александра Невского. Добиваясь восстановления целостности Византийской империи, Иоанн III часто прибегал к двойной игре, ведя переговоры как с противниками Рима в лице императора Священной Римской империи Фридриха II, так и с самим Римом в лице папы Иннокентия IV. «Несмотря на “многоликость” своей политики — заметим, что она вполне соответствовала своему времени, — пишет по этому поводу В. И. Уколова, — Иоанн III Ватац остался в глазах современников устройством государства и защитником православной церкви, в провинциальной Магнасии его даже чтили как святого» (С. 22).

Представляется, что вопрос о том, как именно воспринимали поведение правителей (особенно таких ярких, как Александр Невский) их современники, вполне был бы достоин такого серьезного обобщающего труда, как рецензируемая книга. Осознавалась ли двойственность поведения князя в его время? И вообще, нуждалась ли в оправдании примиренческая позиция русских князей по отношению к завоевателям с Востока в глазах современников? Можем ли мы исходя из современных критериев оценивать Александра Ярославича по шкале «герой — коллаборационист», как это делают отдельные авторы? Или же двойственность его поведения кажется нам таковой лишь с позиций сегодняшнего дня, а в эпоху Александра Невского его поведение не выходило за пределы нормы? Как представляется, эти вопросы нуждаются в изучении, а их замалчивание — не самый лучший способ воздать должное действительно одному из прославленных деятелей русской истории...

Между тем то, что в жизни Александр был человеком, далеким от идеала (не только с современных позиций, но и, возможно, с позиций своего времени), признают и православные публицисты. «Князь Александр Невский — не “совесть нации”, возможно, не самый светлый и великий человек в русской истории», — отмечалось год назад в редакционной статье православного журнала «Фома». При этом политика Александра в отношении Орды, в результате которой, как пишется в упомянутой статье, князь заработал в глазах некоторых потомков «славу труса и предателя», вовсе не противоречит посмертному церковному прославлению князя. «Расхожее мнение гласит, что православные святые непогрешимы в глазах Церкви. Это не так. Напротив, святые как раз тем и важны, что они, как и мы, — живые люди. Они совершают ошибки, но умеют их исправлять и своим примером учат тому же и нас»<sup>5</sup>.

---

<sup>4</sup> Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...» Личности и ментальности русского средневековья. М., 2001. С. 60–61.

<sup>5</sup> Фома. Православный журнал для сомневающихся. 2009. Январь. С. 69.

